

Но заканчивается «Тишина» следующими строчками:

Но, утешитель – бог, сам над душой глубокой
Носиться, Дионис, ты будешь, влажноокий, –
Ответствовать, уча певучий хоровод, –
В дубраве ль сплетшийся вкруг ясной тайны вод
Или кольцом колонн объят в кружение зыбком, –
Улыбками – небес разгаданным улыбкам! [4 т. 1, с. 694].

Такое «языческое» завершение поэтического произведения означает, что в «Тишине» все-таки речь идет о состоянии души, жаждущей слиться с богом и ощутить себя единой со всем миром, поэтому после названия стихотворения Иванов дает следующее пояснение: “Eiphih”. Имя Мэнады Мира на вакхических вазах» [4, т. 1, с. 694]. В этом пояснении содержится разгадка семантически сложного стихотворения Иванова, посвященного менаде – Душе Мира, тоскующей по своему утешителю-богу, присутствие которого дает надежду на обретение гармонического состояния со Вселенной.

Список литературы

1. Гиро П. Быт и нравы древних греков / П. Гиро. – Смоленск, 2000.
2. Закон Божий. Третья книга о православной вере. – М., 1991.
3. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство / Вяч. Иванов. – СПб., 1994.
4. Иванов Вяч. Собрание сочинений : в 4 т. / Вяч. Иванов. – Брюссель, 1971–1987.
5. Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога / Вяч. Иванов // Эсхил. Трагедии. – М., 1989.
6. Новый Завет. – М., 1999.
7. Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. – М., 2001.

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛЕМИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ГОРЕНШТЕЙНА

Ю.В. Бельская

В статье рассматриваются наиболее важные для постижения авторской концепции вопросы отношения к проблемам религии и веры. В произведениях Ф. Горенштейна обнаруживается со/противопоставление иудаистской и христианской традиций осмысления взаимоотношений Бога и человека. Ф. Горенштейну близки философские построения М. Бубера, размышляющего о «двух образах веры». Polemичный образ Дана-Антихриста в романе «Псалом» провоцирует читателя на несогласие, заставляет по-новому взглянуть на привычные установки.

The article is dealt with the problems of the attitude to the religion and belief, which are considered to be the most important for comprehension of the author's concept. One can find both comparison and opposition of Christian's and the Jewish religion's traditions of interpreting of the interrelation of the God and the human. M. Buber's reflecting about philosophical concepts "of two images of belief" are close to F. Gorenshtejn. A polemical image of Dan-Antichrist in the novel "The Psalm" provokes the reader to disagree, makes the reader to have a new look at habitual estimation.

Ключевые слова: иудаизм, христианство, М. Бубер, притча, Антихрист, разбитая чаша, эсхатологический пафос.

Key words: Judaism, Christianity, M. Buber, a parable, Antichrist, the broken bowl, eschatological pathos.

Ключевые вопросы философско-религиозной полемики в творчестве Ф. Горенштейна сосредоточены на решении проблемы сопоставления двух форм религии – иудаизма и христианства, явно обозначенной в таких произведениях Ф. Горенштейна, как «Искушение», «Псалом», «Притча о богатом юноше».

Ф. Горенштейн, по его собственному признанию, принадлежит к иудейско-христианской культуре. Писатель провозглашает истинность понимания вопросов веры в Ветхом Завете и вместе с тем не может до конца порвать с идеями Нового Завета. Сказываются определенная ментальность, «пассивный слой» мировоззрения, проникший в сознание помимо воли писателя. Возникает некий феномен «странной любви, не побежденной рассудком» к России и к ее вере.

В его творчестве настойчиво проводится мысль о родственной связи двух религий, об учении Христа как развитии и дополнении Ветхого Завета. После смерти Христа, которую Горенштейн считает преждевременной, учение перешло к «великим инквизиторам» – здесь кроется причина непонимания и вражды. Одна из главных претензий к христианству – преувеличенная роль человека, непомерный гуманизм, который становится сродни атеизму.

Художественно-философское исследование этого вопроса Ф. Горенштейн ведет в русле размышлений М. Бубера. Большое количество совпадений во взглядах философа и писателя позволяют сделать вывод о знакомстве Ф. Горенштейна с работами М. Бубера.

М. Бубер предлагает термины «эмуна» и «пистис» для понимания сущности веры в еврейской и христианской традициях. Первую разновидность в наиболее чистом виде философ обнаруживает в Ветхом Завете, она свойственна древнему Израилю. «Эмуна» не требует логических выводов и допущений. Это вера – доверие к Богу («верю, ибо доверяю»). Она носит коллективный характер, изначально дана народу.

«Пистис» – вера в эллинистической традиции, более рациональная вера, выражающаяся, по мнению М. Бубера, синтаксической конструкцией «верю, что». Эта форма носит личностный характер, впитала в себя греческую философию. Такой образ веры М. Бубер видит в раннем христианстве. В работе «Два образа веры», поясняя сущностное различие верований иудеев и христиан, М. Бубер пишет: «Смысл еврейской позиции веры можно обобщить примерно следующим образом: исполнение божественной заповеди действительно тогда, когда совершается в полноте сил и способностей личности и в полноте интенции веры. Если давать формулу требования Иисуса, которое выходит за пределы только что изложенной позиции, то эта формула могла бы звучать примерно так: исполнение божественной заповеди действительно в том случае, когда оно сообразно полноте интенции откровения и совершается в полноте интенции веры – при этом, однако, понятие интенции веры принимает эсхатологический характер» [1, с. 264–265].

На первый план здесь выходят понятия «откровение» и «эсхатология», что и отличает представленные позиции. Различие кроется в восприятии времени. В христианстве преобладает ощущение близости Царства Небесного, времен Апокалипсиса. В Новом Завете отчетливо слышится отзвук надвигающегося Божественного Суда.

Иудейская традиция не приняла идею Конца Времен в Откровении Иисуса Христа, оставив неизблемым образ Единого Бога. Только Бог решает,

когда наступают сроки, и верующий не должен спешить. Многие постулаты М. Бубера нашли поддержку в творчестве Ф. Горенштейна.

В «Искуплении» (1967) Ф. Горенштейн вплотную приближается к эсхатологическому пафосу и, значит, находится в русле христианства. Вернее, здесь еще нет столкновения двух образов веры, христианство рассматривается как часть библейской традиции. Автор «Искупления» предвещает наступление всемирного хаоса. Герои повести, действие которой происходит в 1946 г., почти сразу после войны, предвидят некую библейскую черту, обозначающую предельное число жертв, требующих незамедлительного суда, когда возмездие и искупление сольются воедино. Персонаж-идеолог повести профессор Павел Данилович рассуждает: «...предел уже приближается... Возмездие, месть доступны всем, искупление же только правым, на чьей стороне истина... Приближается библейская черта... До черты искупление совершалось веками, правоту обиженных можно было порой увидеть лишь через столетие, теперь же, за чертой, пройденной ценой жизни миллионов невинных, возмездие и искупление сольются воедино...» [2, с. 255]. Размышления о пределе человеческих страданий конкретизируются в следующих словах профессора: «Приближается тот библейский предел, за чертой которого либо всеобщая жизнь, либо всеобщая смерть. Вечная же память душам, взявшим на себя страдания, плевки и раннюю смерть, чтоб исчерпать отпущенную человечеству судьбой долю мучений, и приблизившим черту... Я хочу сказать, позволивших приблизиться к библейскому пределу так, что он уже виден, виден во мраку, в ночи... Виден свет... Там будет новое... Может быть, новые мучения...» [2, с. 255].

Образ Иова, возникающий в «Искуплении», принципиально важен и для понимания концепции других произведений Горенштейна. Как известно, Иов был праведником, чью верность Бог разрешил проверить Сатане. Иов был, несмотря на праведность, богатым человеком, в испытаниях утратившим не только имущество, но и родных, и здоровье. Праведность доказывается покорностью, пассивным принятием воли Бога. Инициатива всегда исходит от Бога, решающего все в жизни и судьбе человека. В христианстве проповедуются активная позиция человека, самостоятельно выбирающего свой путь, отказывающегося от грешной жизни, стремящегося обрести совершенство еще в этом мире путем отказа от наслаждений. Но совершенен лишь Господь, и человек, самочинно устремленный к Идеалу, в какой-то мере «нарушает субординацию». Преувеличенная роль человека, неправильно понятый гуманизм, по мысли Горенштейна, – это ошибка последователей христианства, «заговор апостолов», извративших проповеди Иисуса. Отчетливо эта мысль прозвучит в романе «Псалом» (1975).

В эпизоде проводов матери, отправляющейся в заключение, и одновременно проводов любимого Сашенька целиком подчинена любви к мужчине, ее чувства к матери, даже жалость, практически угасли. У автора есть философско-религиозное объяснение выбора героини. Для объяснения феномена любви-самопожертвования (материнской) и любви – требования жертвы (любви ребенка) Горенштейн обращается к Библии, к двум сопоставляемым фрагментам Ветхого и Нового Заветов – к отношениям между Богом и Иовом и между Христом и Иудой. В оригинальной интерпретации Горенштейна исключается взаимная любовь, не существует паритета в отношениях любящих.

В финальном эпизоде «Искупления» зафиксирован этап разочарования в гуманистических ценностях, этап, когда прерванный диалог с Богом – глубоко переживаемая реальность.

При исследовании романа «Псалом» возникает вопрос о дуализме мировоззрения писателя. В.В. Иванов пишет о «примитивном дуализме философии Горенштейна». Ученый считает, что для писателя мир «состоит из пар противоположностей. Оттого и герой его романа – Антихрист – мыслит себя как прямое противоположение своему Брату – Христу» [5, с. 6]. Представляется, что в этом случае дело обстоит сложнее. В романе является образ «не того Антихриста, о котором кликушествуют христианские живописцы и проповедуют философы, не Антихриста, врага Христа, и не того Антихриста, которым балуются мистики-модернисты, называющие Антихриста Творцом и ставящие его выше Бога, а Антихриста, который вместе с Братом своим делает Божье... Один послан для Проклятия и Суда, другой для Благословения и Любви...» [4, с. 24]. Судя по этому определению, можно сделать вывод, что автор пытается уйти от крайностей и стереотипов, делая акцент на общем Божьем деле. Вопрос остается неясным, поскольку Ф. Горенштейну не удается выдержать заявленную позицию.

В чем же состоит миссия посланника? В.В. Иванов закономерно спрашивает: «Что сделал Дан на всем протяжении романа, чтобы реализовать свою мифологическую миссию? Ведь в романе он скорее воплощает архетип Дон Жуана, рождающего детей (иногда его достойных, как Андрей, иногда недостойных и предающих религию, как Вася) от нескольких русских женщин» [5, с. 6].

В какой-то степени приведенное недоумение оправданно возникает при чтении романа. Вместе с тем, существует и другая возможность истолкования действий героя. Он в своем земном странствии оказался подвержен похоти, зверю прелюбодеяния, третьей казни Господней. Но вместе с ней приходит к человеку и любовь, ее искупающая. Третья казнь, назначенная Богом в «негодованием на женщину за яблоко из Эдема», настолько сильно завладевает человеком, что бороться с ней можно лишь «непротивлением злу насилием, как учил пророк Иеремия и как укрепил это учение спустя семь веков Иисус из колена Иудина». По мысли автора, «спасти можно лишь при оговорке пророка Иеремии – отдать все нечестивцу, но от нечестивца унести в качестве добычи собственную душу. Любовь и придумана, чтоб взять добычу от нечестивца – прелюбодеяния, взять собственную душу. Чтоб отделить пшеницу от плевел и, отдав дань зверю – похоти, сохранить плодоносность. Но ради такой любви необходимо исполнить Божье проклятие и преодолеть свой, соблазненный змеем, разум» [4, с. 102].

Церковь борется против телесного врага, имя которому наслаждение, и это также пункт расхождения двух религий: «Христианство учит бежать от поля наслаждений, от поля Сатаны, обходить его на пути к Господу, а Библия учит идти через поле наслаждений, через поле Сатаны к Господу, ибо иного пути нет, поскольку проклят человек, и господь изгнал человека из рая с небесных хлебов на собственный духовный хлеб, в поте лица добываемый» [4, с. 334].

Горенштейн настаивает на утверждении об изначальной вине человека и, следовательно, невозможности избежать страданий и искушений. Единственный путь спасения заключен в соблюдении библейских заповедей, учитывающих реальные возможности человека. Христианство же предъявляет завышенные требования, не учитывает степени людской греховности. И здесь Горенштейн находится в русле размышлений М. Бубера, считающего одним

из важнейших различий иудаизма и христианства ощущение времени. Проповедь Иисуса Христа дана в ощущении близости Царства Небесного, поэтому Христос призывает идти за ним, оставив свое прошлое, раздав имущество, порвав родственные связи. Получается, что человек сам может решить, когда приходят сроки. Это недопустимо с точки зрения иудея: человек не должен «торопиться», он обязан прожить отпущенное ему время жизни, соблюдая Закон. Он обязан заботиться о родных, у него есть обязательства на земле.

Тяготение к напряженным философским размышлениям в мифологическом произведении свидетельствует о сконцентрированности писателя на вопросах бытия, о тревожном состоянии, порожденном попыткой глубинного проникновения в суть происходящего. С художественным исследованием вечных бытийных вопросов мы встречаемся в романе-рассуждении о четырех казнях Господних Ф. Горенштейна «Псалом».

Центральным образом-символом в романе становится символ разбитой чаши. Символ чаши прочитывается в романе на нескольких уровнях. В философско-религиозных построениях писателя этот образ иллюстрирует отношение простоты и сложности, публичного и интимного, диалектики и метафизики, бытийного и вечного. Кроме прямого авторского толкования чаши как выражения материнской религии христианства – иудаизма, в тексте присутствует еще несколько значений. Самое общее значение символа состоит в декларируемой ценности Первоначала, целостности, верности традиции. Речь идет не только о религии, хотя прежде всего о ней, но и о культурной, философской, общественно-исторической традициях.

В романе «Псалом» учение Ветхого Завета автор сравнивает с Чашей, христианство – с осколком разбитой Чаши, одновременно подчеркивая их родственность. Горенштейн пишет: «Чаша практична и диалектична в бытии, в вечном же – метафизична, осколок метафизичен и мистичен в бытии, в вечном же – диалектичен, стремясь постичь недоступное, придавая конечному диалектический смысл. Придавая человеческим страстям, человеческой любви, человеческой ненависти бесконечный, высший, вечный мистический метафизический смысл и в то же время стремясь диалектически, философски постичь такие цельные вечные понятия, как Небо и Бог. Между Чашей и ее осколками такая же разница, как между верой и религиями, между смыслом и концепциями, между первичностью интимного чувства и первичностью публичного обряда...» [4, с. 338]. Здесь Горенштейн дает свою интерпретацию двух образов веры, о которых пишет М. Бубер, – эмуны и пистис, иначе говоря, веры-доверия, верности, которая характеризует отношение к Богу, с Богом, ощущение цельности и вечности, данное в Ветхом Завете, и веры-философии, «слишком человеческой», «личностной», представленной в Новом Завете.

Горенштейн призывает вернуться к Чаше Завета, к вере предков, первоначальной чистоте. Главная претензия к христианству, и даже не к самому Христу, а к апостолам, заключается в забвении веры предков, в ложной подмене. Неизвестно, насколько был знаком Ф. Горенштейн с работами М. Бубера, но можно обнаружить явные переклички мыслей и выводов философа и исследуемого автора. Так, наиболее заметно совпадение в негативной оценке вероисповедания в редакции апостола Павла, извратившего, с такой точки зрения, и учение Ветхого Завета, и учение Иисуса Христа.

В повести «Притча о богатом юноше» (1994) Горенштейн вновь обращается к вопросу соотношения двух образов веры. Писатель вводит в текст притчу, дословно цитируя главу 19 Евангелия от Матфея. Именно этот эпизод автор

считает ключевым для понимания проповеди Иисуса Христа. Речь идет о соблюдении заповедей, необходимых для того, чтобы «войти в жизнь вечную». В ответ на слова некоего человека (юноши), о том, что он соблюдает Закон, и вопрос, чего еще недостает ему, Иисус предлагает продать имение и раздать все нищим, только тогда он будет «иметь сокровище на небесах». Юноша же отошел с печалью, «потому что у него было большое имение», и он не решился выполнить это условие. Тогда Иисус сказал своим ученикам: «Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное. И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». И далее следует категорическое требование: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Многие же будут первые последними, и последние первыми».

Следовательно, под богатством здесь понимается не только собственность или деньги, но и родственные отношения, удерживающие человека на этой земле. Центральный персонаж повести Федор, представитель третьего поколения семьи Тонких, чью историю, начиная с деда Лазаря, рассказывает автор, размышляет над прочитанной притчей, не соглашаясь с привычными толкованиями. Федор не видит заслуги в нищете, особенно изначально существующей, когда нечего терять. Значит, дело не в обычных богатстве и бедности, делает вывод персонаж, за которым угадывается автор, а в нравственном подвиге. Федор думает: «Только те, кто оставит все это свое богатство, те будут совершенны и смогут войти в Царство Божие. Все же иные, кто хочет сохранить и отца, и мать, и землю родную, должны жить библейскими заповедями, быть несовершенными, но честными людьми. Притча о богатом юноше фактически есть притча о соотношении меж заповедью и проповедью, меж иудаизмом и христианством. ... Верующий иудей, совершая зло, знает, что он идет против Бога. Верующий христианин, совершая зло, сохраняет гармонию души, сохраняет через церковное покаяние свои отношения с Богом, ибо непотворение злу давно подменили покаянием в содеянном зле» [3, с. 37].

Горенштейн настойчиво проводит мысль о подмене и извращении материнской религии, чьи дети в поисках совершенства забыли первоначало. Преимущество иудаизма видится писателю в жизни «с открытыми глазами», в его реалистичности и честной оценке человеческих возможностей, с учетом позиции «разумного эгоизма».

Таким образом, в концептуальных для понимания философско-религиозных вопросов произведениях Ф. Горенштейна обнаруживаем «два образа веры»: образы иудаистской и христианской религии, инстинктивный поиск и рациональное обоснование веры.

Список литературы

1. Бубер М. Два образа веры / М. Бубер. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
2. Горенштейн Ф. Избранные произведения : в 3 т. / Ф. Горенштейн. – М. : Слово, 1992. – Т. 2. – 543 с.
3. Горенштейн Ф. Притча о богатом юноше / Ф. Горенштейн // Дружба народов. – 1994. – № 7. – С. 10–46.
4. Горенштейн Ф. Псалом / Ф. Горенштейн. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 448 с.
5. Иванов В. В. Предисловие к роману «Псалом» / В. В. Иванов // Октябрь. – 1991. – № 10. – С. 6–10.